

*С благодарностью Юлии Селивановой,
Павлу Крусанову, Елене Шубиной,
Анне Золотарёвой, Нино Рота, Илье Мазо,
группе «Полифония»,
«Muse», «Moby».*

ПРОЛОГ 1

Нашу историю мы, пожалуй, начнём с упоминания того факта, что весной 20... года в самом центре Москвы, в Репинском сквере, стали проходить одиночные пикеты. Пикетчики старались держаться друг от друга подальше, чтобы правоохранительные органы не заподозрили их в проведении массового мероприятия и никаких претензий к ним у полиции не возникало. Люди самых разных возрастов, политических взглядов, финансовой обеспеченности и культурного уровня держали в руках плакаты, призывающие полицию и спецслужбы немедленно найти и самым суровым образом покарать вандалов, нанёсших повреждения одной из статуй скульптурной группы, носящей название «Дети – жертвы пороков взрослых».

Если кто-то не видел этого памятника, хотя назвать это произведение искусства памятником можно весьма условно, я попробую описать его. Он представляет собой довольно большие, метров двух-трёх в высоту, чёрные фигуры тринадцати пороков (наркомания, проституция, воровство, алкоголизм, невежество, лжеучённость, равнодушие, пропаганда насилия, садизм, беспамятство, эксплуатация детского труда, нищета, война). Перед по-

роками (или правильнее будет назвать их демонами?) стоят двое отлитых из золотистого металла детей с завязанными глазами.

Причиной появления пикетов стало то, что накануне двое неизвестных попытались среди ночи отпилить аккумуляторными болгарками голову центральной фигуре скульптурной композиции — самой высокой и единственной, стоящей на возвышении, — равнодушию. По задумке скульптора Михаила Шемякина этот порок является отцом и матерью всех остальных пороков, поскольку они существуют исключительно благодаря ему.

Злоумышленники не успели закончить своё варварское дело, их спугнула охрана. Порок сохранил голову на плечах, а неизвестные, перемахнув через ограду сквера, скрылись в путанице строек, которыми всегда богата наша столица.

И вот теперь пикетчики стояли, кто дальше, а кто ближе к скульптурам, и держали в руках листки с надписями «Нет вандализму!», «Найти и наказать варваров!», «Не позволим резать по живому!», «Защитим московские памятники!» и так далее и тому подобное.

Подъехала команда Общественного Московского Телевидения. Достали камеры, подключили микрофоны.

— Скажите, почему вы пришли сюда? — спросила девушка-корреспондент с покрасневшим от мороза носиком.

— Потому что мы неравнодушные люди, — ответил мужчина с седой бородкой-эспаньолкой. — Мы пришли защитить Москву от отморозков, которым безразлична культура. Я не знаю, что им не нравится конкретно — этот памятник или, может, они питают персональную ненависть к Шемякину, но

в любом случае это очень опасный симптом. Если подобные вещи не пресекать, мы скатимся в полную дикость...

— Так мы до состояния пещерных людей дойдём! — поддержала его широколицая красногубая женщина. — Безобразие! Мы требуем от полиции защитить нашу столицу от дикарей.

— И ещё, — добавил мужчина с эспаньолкой, указывая пальцем в камеру. — Мы собираемся дежурить здесь круглосуточно, и никаких актов вандализма здесь больше не произойдёт, это мы гарантируем. А что касается преступников... Они будут наказаны в самое ближайшее время, и я знаю это совершенно точно. Больше мне нечего вам сказать.

ПРОЛОГ 2

— Идея!

— Хвастайся.

Ветка — темноволосая, подвижная одиннадцатилетняя девочка, похожая на зверька, вроде горноста или ласки, хлопнула в ладоши и горячо зашептала:

— Почему мы до сих пор не попытались открыть...

— Дверь, которая ведёт на сцену! — перебил её Мыш, худощавый подросток с длинной чёлкой, ровесник Ветки.

— Именно! — сверкнула глазами девочка. — Служебную.

Мыш спрыгнул с подоконника и отправился в комнату, где стоял сундук, заполненный ключами самых разных форм и размеров.

Вдвоём они загрузили четыре тяжелых сумки, спотыкаясь, принесли их к закрытой двери, ведущей за кулисы.

Главный вход в зрительный зал Альберт, режиссёр, после каждого спектакля аккуратно закрывал изнутри доской, вставляя её во вбитые в косяки скобы. Единственной дверью туда, которая открывалась снаружи, была вот эта, что вела на сцену. Небольшая, но мощная, крепко сбитая, со вспузырившейся многослойной краской, она монолитом отделяла коридор от сцены и тёмного зала.

Один за другим Мыш принялся перебирать ключи, пробуя повернуть их в широком сквозном отверстии древнего сувальдного¹ замка. Мальчик хмурился и вздыхал, стоя коленками на жёстком вытертом паркете.

Влево от двери уходил коридор, на стенах которого висели портреты актёров — детей и взрослых, игравших когда-то в Театре Юного Зрителя. Одни портреты были большими, словно оконные рамы, другие чуть крупнее почтовой открытки. Справа от Мыша располагалась стена, заклеенная вырезками из театральных газет, за его спиной уходили вверх и в полумрак десятков ступеней, укрытых полысевшей ковровой дорожкой.

В коридоре под потолком, то разгораясь, то ослабевая, светили лампочки. Электричество в театре вело себя непредсказуемо. Лампочки то и дело вспыхивали, заливая пространство ярким, почти обжигающим глаза светом, но по большей части

¹ Сувальдный замок — замок, секретная часть которого представляет собой набор пластин (сувальд) с фигурными вырезами, которые при открытии замка подталкиваются выступами на бородке ключа.

трудились вполнакала. Ветка сидела рядом с Мышом и сонно следила за его манипуляциями.

— Боюсь, это надолго, — сказала она, зевая.

Девочка принесла из гримёрки груды реквизитной одежды, улеглась.

— Жёстко на голом полу сидеть, — пояснила она.

Мышь положил под коленки ветхий зипун¹ и вернулся к замочной скважине. Глухо и глубоко, словно бы из-под воды, донеслись три удара из часовой комнаты.

— Три часа ночи, — вздохнув, сказал Мышь. — Разгар «собачьей вахты».

Рядом сопела и видела первый сон Ветка. Пальцы её чуть вздрагивали, глаза двигались под веками. Мышь укрыл её шкурой непонятого зверя.

Из широкой щели под дверью потянуло сыростью, какая бывает в лесу после дождя или возле большой воды.

Мышь принюхался, повернулся к Ветке, намереваясь спросить, чувствует ли она запах, но не решился будить её.

Он приблизил лицо к похожему на птицу отверстию замка и всмотрелся в темноту.

Лучше всего можно подготовить глаза к темноте, если закрыть их. Он зажмурился, сосредоточился на слухе.

Было так тихо, что он слышал, как звенят вольфрамовые нити в лампочках.

С той стороны двери послышался едва различимый шорох. Потом ещё один, донельзя тихий,

¹ Зипун (полукафтан) — верхняя одежда у крестьян. Представляет собой кафтан без воротника, изготовленный из грубого самодельного сукна ярких цветов со швами, отделанными контрастными шнурами.

словно две божьих коровки соприкоснулись лапками.

Мышь перестал дышать и приложил ухо к замку. Тишина. И вдруг, что-то тонко и ощутимо дотронулось до него. Он едва не вскрикнул и отпрянул. Из замочной скважины торчала белая травинка. Или, быть может, нитка, толстый волос? Послышался приглушённый рык, а потом ворчание крупного зверя. Совсем рядом, прямо за дверью. Мышь внезапно понял, что это не травинка, не нитка и не волосок, а ус какого-то крупного хищника — тигра, льва, рыси...

Мальчик оторопел. В жизни он успел повидать всякое, но ничего более пугающего с ним ещё не происходило.

— Рысь? — подумал он. — Что за бред? Откуда ей взяться? Может, из зоопарка сбежала? Но тогда как она попала в запертый зрительный зал?

В широкую щель меж полом и дверью с трудом протиснулся край огромной кошачьей лапы, серо-рыжей, с чёрными пятнами и мощными, как крючья, жёлто-янтарными когтями.

Мышь схватил непослушной рукой плечо спящей девочки.

Та подняла голову и, разлепив глаза, успела увидеть, как звериная лапа, скрежетнув когтями по паркету, исчезла под дверью.

На истёртых планках паркета белели царапины. Изнутри зала раздалось глухое рычание, и всё стихло.

Мышь осторожно взял с пола щепку, вывернутую когтями неведомого гостя, и непонимающе посмотрел на Ветку.

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА

Альберт шёл за ним уже полчаса. Он всё понял о нём, едва лишь увидел в толпе у Курского вокзала. Теперь просто хотел убедиться.

Остекленевший взгляд. Движения, как у сломанной куклы. Одежда хорошая, брендовая, но мятая и потасканная. На лице грязные разводы, под ногтями чёрные полумесяцы.

Мальчик, прихрамывая, шагал сквозь толпу. И хромота у него не потому, что у него что-то болело. Скорее потому, что в жизни его случилось нечто такое, что перемололо его, а потом собрало заново. Но при сборке какие-то детали были то ли не туда поставлены, то ли безнадежно потеряны, и оттого вся анатомия мальчика больше походила на небрежно сколоченную конструкцию, плохо приспособленную и для ходьбы, и для жизни вообще.

Люди задевали его, врезались, на ходу извинялись и бежали дальше. А он шёл с глазами пустыми, похожими на пробки от хрустальных графинов. И, странное дело, люди не спешили занять тот коридор в толпе, который оставался после него. Будто боялись испачкаться или прикоснуться к чему-то чужеродному.

Мальчик направлялся в сторону Яузы. Альберт двигался следом, то теряя, то находя его в потоке торопящихся москвичей, их сумок, рюкзаков, чемоданов на колёсиках...

И вот когда Альберт в очередной раз потерял его, а потом отыскал заново, оказалось, что мальчик пересекает Садовое кольцо.

— Чёртов ребёнок! — выругался вполголоса Альберт.

Был полдень, яркий, осенний, чуть морозный. На асфальте виднелись островки льда. Машины бежали резво, словно радуясь солнцу, морозу, своей силе и скорости.

Мальчик пересекал шоссе, раз за разом каким-то чудом успевая прошмыгнуть в зазоры между машинами. Альберт застыл на бордюре. Все качалось перед его глазами. В ушах заранее стоял звон разбитых стёкол, автомобильные гудки и крики, которые, он был уверен, сейчас последуют. Но ничего страшного не произошло. Ребёнок пересёк одну полосу, другую. Постоял на двойной сплошной и, все той же разболтанной сломанной походкой, продолжил движение в гуще металлических зверей, каждый из которых мог одним движением убить его.

Альберт зажмурился и когда снова открыл глаза, мальчик уже шагал по другой стороне Земляного Вала. Режиссёр кинулся к ближайшему подземному переходу...

Он был почти уверен, что больше не отыщет мальчика, но глупое упрямство заставляло его, грузного, краснолицего, похожего в расхлябанных ботинках и широкополом плаще на черепаху Тортиллу в исполнении Рины Зелёной, торопиться изо всех сил. Зонт с ручкой-крючком, который он держал под мышкой, цеплял прохожих.

— Осторожнее нельзя? — неслись ему вслед недовольные возгласы.

— Идите к псам, — не оборачиваясь, цедил он сквозь зубы.

Альберт бежал и высматривал мальчика.

Набережная Яузы пустовала. Рядом нёсся плотный поток машин, но тротуар вдоль реки был совершенно безлюден. Ребёнок, балансируя, стоял на тумбе над рекой и смотрел на противоположный берег, будто высматривая что-то, хотя там виднелись лишь всё те же скучные дома и вереницы блестящих машин.

Яуза несла палые листья, похожие на ладони машущих из-под воды детей.

Альберт медленно подошёл к нему. Встал за спиной. Смотреть на ребёнка было тяжело из-за бьющего в глаза солнца. Он казался со всех сторон пронзённым солнечными лучами, словно святой Себастьян — стрелами.

— Парень! — задыхаясь, хрипло позвал Альберт и приставил руку ко лбу, защищаясь от солнца.

Тот вздрогнул, покачнулся.

Для себя Альберт уже решил, что, если ребёнок бросится в реку, он последует за ним и попытается спасти, хотя и плохо представлял себе, как сможет это сделать. Человеком он был довольно сильным, но пловцом никудышным. Да и вообще всё, связанное с движением, а особенно с быстрым движением, давалось ему с трудом. На всякий случай он снял плащ, кинул на газон рядом с собой. Туда же положил зонт.

— Мальчик... Ты... Послушай... — повторил он, пытаясь успокоить колотящееся сердце. — Я твой друг. Не бойся меня, пожалуйста.